

booknik

Ефим Ладыженский: Одесса — Москва — Иерусалим — далее везде

[Александр Рапопорт](#) •

1 февраля 2008 года

С 27 декабря по 13 января 2008 года в филиале Третьяковской галереи, Доме художника на Крымском валу, прошла посмертная выставка живописи и графики Ефима Бенционовича Ладыженского.

О художнике Ефиме Ладыженском я впервые услышал давно, можно сказать, в другой жизни. В середине 70-х его альбом «Город моего детства» вышел в издательстве «Советский художник». В серии пусть тонких, но персональных, в 1/2 листа да с предисловием цветных альбомов, коих удостаивались признанные отечественные художники, альбом Ладыженского был особенным. В нем жила довоенная Одесса двадцатых-тридцатых годов и, соответственно, присутствовала еврейская тема. Мало того — одесский цикл картин перекликался с примитивизмом, с экспрессионизмом, с фовизмом и другим течением, задавленными в СССР академиками соцреализма. Сюжетно обращенная в прошлое, живопись Ладыженского была современна и оставляла впечатление свежести и таланта.

Такое же впечатление производит она и сегодня. С 27 декабря по 13 января 2008 года в филиале Третьяковской галереи, Доме художника на Крымском валу, прошла посмертная выставка живописи и графики Ефима Бенционовича Ладыженского. Она состоялась через четверть века после самоубийства художника в Иерусалиме, от последней выставки Ладыженского в Москве ее отделяет без малого сорок лет.

Эта большая ретроспективная выставка состоялась благодаря энергии и усилиям Виктории Ладыженской, дочери художника. После смерти отца она и ее старший брат стали хранителями и активными пропагандистами наследия Ефима Ладыженского: устраивали вернисажи, издавали каталоги, вели переговоры с музеями и коллекционерами. С помощью друга художника, московского искусствоведа Григория Анисимова, Виктории удалось обнаружить десятки работ отца в общероссийском запаснике Министерства культуры (г. Подольск) и в фондах Государственного театрального музея имени Бахрушина. Неожиданно поступили сведения о графике Ладыженского в художественном музее Саратова. Долгое время известно было лишь об одной картине, находившейся в России, — холсте «В Пушкинском музее» из коллекции кинорежиссера М. Швейцера. Минувшая выставка в основном состояла из работ, привезенных из Израиля, и ряда картин из запасников.

С конца 60-х (десятилетие в Москве и около четырех лет в Иерусалиме) Ефим Ладыженский одновременно работал над циклами, составившими основу его наследия: «Одесса — город моего детства», «Конармия И. Бабеля», «Мама», «Автопортреты», «Люблинское кладбище в Москве», «Каркасы», «Корни», «Вечный жид», «Свет и тень», «Цветы». Последним (1980-1981), под впечатлением карандашных опытов маленькой внучки, появился цикл холстов, стилизованных под детские рисунки.

Отдельные работы из этих циклов, несколько портретов и пейзажей раннего периода и живописные эскизы к спектаклям

по Бабелю, Маяковскому, Багрицкому, Катаеву, Васильеву выставлялись в зале Дома художника. По ним можно было проследить, как вырабатывался авторский стиль Ефима Ладыженского. От жанровой живописи (портрет, натюрморт, городской или «монастырский» пейзаж), выполненный в традиционной для 40-50-х годов спокойной коричневатой гамме, он двигался к экспрессии и обобщению. В 60-е годы на картине становится меньше деталей, цвета делаются чище и контрастней, лица на портретах — менее фотографичными, но более характерными; начиная с циклов «Конармия» и «Одесса», он отказывается от объема, совмещает планы и целиком переносит изображение на плоскость, где фигуры застыли в динамичных позах и не отбрасывают тени. Сказалось то, что Ладыженский много работал как художник театра и кино — эта отличительная манера появилась в его эскизах к декорациям, а затем распространилась на всю его живопись.

Цикл «Люблинское кладбище в Москве» повествует о бренности человека, о неизбежности смерти. В графике (опутанный «колочкой» «Вечный жид», человекоподобные, составленные из палок и рваной проволоки «Каркасы», цепляющиеся за камень и воздух «Корни») напряженность и борьба линий исполнены мрачной экспрессии. И наоборот, бело-голубые тона и размытые контуры цикла «Свет и тень», виртуозные по тонкости исполнения «Цветы» дышат умиротворением и покоем. Глядя на «детский» цикл, можно предположить, что у автора была безоблачная старость в кругу близких. По-видимому, к концу жизни эти противоречивые состояния уживались и конфликтовали в нем.

Он родился в Одессе в 1911 году. Семья — отец, мать и трое сыновей — жила на Базарной улице, дом №100. (В начале Базарной жила в то время семья Катаевых, сейчас на их доме мемориальная доска.) Ефиму Ладыженскому вполне подходит фраза из «Записных книжек» его земляка Ильи Ильфа: «Я родился в бедной еврейской семье и учился на медные деньги». Вот как художник сам писал о своем детстве:

«Мой город портовый. Одним из самых распространенных украшений человека в этом городе была татуировка. Ее накалывали сине-фиолетовыми чернилами, и с ней человек ложился в могилу, так как не было средств удалить ее. Я видел изображение обыкновенного якоря, наколотого на тыльной части кисти руки между большим и указательным пальцами, татуировки на груди, на спине, вдоль рук и даже на ляжках ног.

...Некоторые изображения поражали артистичностью исполнения. Люди шли на эту болезненную операцию, а что же ими руководило: кураж или любовь к изобразительному искусству?

В летнее утро двадцать четвертого года мальчишки с нашей улицы, увидев портрет Ленина, нарисованный чернильным карандашом на моей руке, выстроились в очередь, смачивая слюной будущее место «татуировки». Когда я, сидя на подоконнике, завершал портрет очередного Ленина на руке очередного «любителя прекрасного», на его руку упала тень. В творческом экстазе я, не глядя, попытался отпихнуть того, кто мешал мне завершить «произведение», но тень так и не

сдвинулась. Тогда я обернулся. Передо мной стоял мужчина во всем черно-кожаном, от фуражки с пятиконечной звездой до краг на ногах. Только портупея и ремень были желто-коричневые.

Кучка моих заказчиков вмиг растаяла, да и я бы сиганул, да он, чекист (только у них была такая униформа), крепко держал меня за руку: «Ну, пошли к твоей маме».

...Это были годы нэпа. Папа болел, а мама зарабатывала наматыванием ниток с мотка на челнок с помощью колеса. Эти нитки в мотках цвета жженой умбры и сиены натуральной поставлял ловко приспособившийся нэпман. Вот моя мама и крутилась, как это изнуряющее ее колесо. Крутилась между примусом и нашим воспитанием...

...И вот мы стоим у обшарпанной, давно не крашенной двери с ржавым звонком, из которого исходит дребезжащий, уставший звук. «Кто там?» — услышали мы.

Приведший меня мужчина вежливо попросил открыть. При виде чекиста, державшего меня за руку, лицо моей мамы стало белым, как стены передней. Мой «кожаный» доброжелатель спросил маму: ее ли я сын? сколько мне лет и давно ли рисую? — Советской власти очень нужны талантливые люди! И поэтому этого мальчика нужно начать обучать как следует! Он переступил порог, вырвал из блокнота листок, написал на нем что-то, сложил вчетверо. И снова написал, но уже адрес, по которому мы с мамой должны были завтра отправиться. «Талант надо возвращать!» — сказал он и пожал маме руку».

С 1924-го по 1931 год Ладыженский учился в студии выпускника и медалиста Петербургской академии художеств Юлия Бершадского, на театральном факультете Художественного института в Одессе, стажировался как художник-декоратор в Одесском оперном театре. Самостоятельную работу начал в Краснодарском драматическом. С 1932-го по 1936 год оформлял спектакли для сцен Краснодара, Ташкента, Ашхабада и Сталинграда. В 1936-м году переехал в Москву и устроился художником на «Мосфильм». Участвовал в постановке двух фильмов. В 1939 году стал членом Союза художников СССР. Со студией Малого театра выезжал на фронт во время войны, оформлял спектакли для действующей армии. В 1942 году в Борисоглебске прошла его первая персональная выставка, состоявшая из эскизов декораций. Родившихся в военные годы сына и дочь Ладыженские назвали Виктором и Викторией, в честь будущей победы. После войны он продолжал работать театральным художником, спроектировал декорации к семидесяти с лишним спектаклям в театрах Москвы и других городов СССР. В связи с преобразованием ВСНХ в ВДНХ оформлял с 1959-го по 1961 год два новых выставочных павильона. Вторая персональная выставка Ефима Ладыженского состоялась в 1962 году во Всесоюзном театральном обществе. Она подводила итог тридцатилетней работы и состояла не только из эскизов декораций и костюмов

к спектаклям — на ней были также живопись, линогравюры, монотипии и офорты; к выставке выпущен каталог.

Середина шестидесятых для Ладыженского — начало поисков своего стиля в живописи. С 1965-го по 1968 год он создал живописные циклы «Конармия», «Мама», в конце этого периода начал «одесский» цикл, работа над которым продолжалась до последних дней жизни. В 1969 году он участвовал в международной выставке «Биеннале в Сан-Паулу» (Бразилия), начал другие постоянно пополняемые циклы: «Каркасы», «Растения», «Автопортреты». В 1969 году его третья персональная выставка, смонтированная в Доме художника на Беговой, не открывалась три недели: картины висели в закрытых залах, а от автора требовали снять часть работ. Выставка была под угрозой, но Ладыженский проявил характер и добился своего — экспозиция и каталог осуществились в полном объеме. Альбом «Город моего детства», вышедший в 1975 году, сделал Ладыженского знаменитым не только в профессиональных кругах. Как примету времени, упомянем участие в коллективных выставках в Манеже к столетию В.И. Ленина, к XXIV съезду КПСС, к 30-летию Победы над фашизмом. Все это выглядит как биография состоявшегося советского художника, который сумел, несмотря на неизбежные трудности, добиться признания.

В конце 1978 года Ефим Ладыженский вместе с женой и дочерью эмигрировал в Израиль.

Что было причиной? Как художник, он постоянно развивался, уже в зрелом возрасте перешел от театральной к станковой живописи, был невероятно трудоспособен. По воспоминаниям его коллег, Русский музей и Третьяковская галерея хотели купить десяток работ из «одесского» цикла. Но Ладыженский отказал — он считал, что весь цикл должен находиться в одном собрании. Купить разом 150 картин современного автора ни один советский музей не был готов, и это стало очередным разочарованием художника. Ладыженский видел себя в одном ряду с Тышлером, Альтманом и Шагалом, но к 1978 году в его мастерской без движения лежало уже около трех тысяч работ. Вероятно, он почувствовал, что в Советском Союзе возможности исчерпаны. Отъезд и вывоз работ представлялись единственным выходом.

Мастерские художников находились в доме 65 по ул. Вавилова, рядом с Черемушкинским рынком. Установился обычай: когда в связи со смертью владельца мастерская освобождалась, не востребованные наследниками работы сжигали во дворе дома. В том дворе Ладыженский перед отъездом превратил в пепел около двух тысяч своих работ и пережил собственную смерть. За вывоз каждого произведения искусства, как и сегодня, нужно было платить госпошлину, но денег не хватало.

Он поселился в Иерусалиме. В конце 1979 года ему, единственному из приехавших художников, устроили

персональную выставку в Музее Израиля (Иерусалим), она шла полтора месяца. Но Ладыженского это не удовлетворяло — он хотел, чтобы для его работ создали отдельный музей. Он был оторван от московского круга единомышленников, не чувствовал себя своим в новой художественной среде, его депрессия развивалась. Вместе с тем художник по-прежнему много работал, продолжил существующие циклы и начал новые. В мае 1980 года в «Новой галерее» при Хайфском университете прошла его вторая персональная выставка. Третья состоялась в марте 1982 года в Доме художника в Иерусалиме.

А дальше, начиная с вечера памяти в том же Доме художника в 1985-м, пошли уже посмертные выставки. В 1982 году Ефим Ладыженский повесился на стене супермаркета в центре Иерусалима. Обнаружили его на рассвете. В этом публичном жесте отчаяния был вызов не столько даже стране пребывания, сколько несовершенству мира. Отрезанное ухо Ван Гога — из того же ряда. Искусствовед д-р Мэтью Байгелл пишет:

«Ладыженский приехал в Израиль уже больным человеком и очень скоро начал испытывать раздражение и растерянность. Он почувствовал себя бессильным в стране, где говорили на непонятном ему языке, где ему приходилось жить и работать в убогом, пустынном, почти лишенном растительности районе на окраине Иерусалима, вдали от центра. Он вообразил, что

израильское художественное сообщество принимает его недостаточно хорошо, несмотря на то, что почти сразу была устроена его персональная выставка. Он не желал и не хотел понимать специфику рынка искусства в капиталистическом обществе. И покончил с собой.

...Какое-то время его поддерживала любовь к семье, а также, надо думать, работа над серией «Одесса». В не затронутых современностью картинах юности он находил покой и истину, которые безуспешно искал в реальности. Одесса прошлого была той землей обетованной, к которой он стремился и которой не мог достичь».

Наследие Ладыженского включает шестьсот вывезенных из СССР работ, более трехсот, сделанных в Израиле, а вместе с обнаруженным в российских запасниках оно составляет более тысячи единиц. Основной корпус работ — у Виктории Ладыженской в Израиле. 70 работ выставлены в музее университета Нью-Джерси (США). Живопись и графика Ладыженского находятся во многих частных коллекциях в США и в Западной Европе. Его картины пользуются устойчивым спросом, его известность в профессиональной среде растет, она давно перешагнула границы стран, где он работал. Но подлинное признание этого большого художника еще впереди.